

Кирилл Галушко

Другая сторона украинского регионализма: комментарий к статье А. Умланды и А. Шеховцова

Данный небольшой текст является откликом на предложение одного из авторов, А. Умланды, который счел, что мои замечания могут быть интересными «в привязке» к их работе. Суть «комментария» состоит в том, что некоторые идеи статьи могут потенциально инициировать новый взгляд на проблему украинского регионализма.

Данная проблема ранее трактовалась в политическом контексте в основном либо как (1) обоснование искусственности современного украинского государства и его обреченности на распад, либо как (2) чрезмерная (в сравнении с Россией или Белоруссией) культурно-языковая, идентичностная неоднородность элементов политико-территориальной структуры, препятствующая интеграции украинского государства (или же нации, – в зависимости от контекста).

Первый тезис в украинской публичной полемике не используется даже в наиболее критические моменты: вспомним, например, Северодонецкий «Съезд депутатов всех уровней» 28 ноября 2004 г., в критический момент Оранжевой революции. Тогда в решении собрания, целью которого было что-то принципиально противопоставить идеологическим лозунгам событий, происходящим в Киеве («Восток и Запад вместе!»), речь шла лишь о «возможном изменении политико-административного устройства Украины»¹. Т.е. мессидж касался не желаемого «раздела искусственной страны», а консервирования сложившегося властного статус-кво на региональном уровне с помощью федерализации государственного устройства. Иначе это можно объяснить аналогией с «феодалной раздробленностью», когда формальный сюзеренитет монарха не препятствует существованию локальных центров силы и влияния, для которых слабость «центра» является залогом стабильности. При этом в окончательном разрыве отношений никто не заинтересован, поскольку переподчиниться другому центру силы – значит подорвать свою стабильность. Поэтому украинские «региональные игроки» склонны бороться именно «за Киев», привлекая поддержку Москвы или других заинтересованных сторон, но отнюдь не лишая себя шанса эксплуатировать ресурсы целой страны.

¹ «Решение всеукраинского съезда депутатов Верховной Рады АР Крым, местных советов всех уровней», г. Северодонецк Донецкой области, 28 ноября 2004 г. // Федерализация Украины: единство нации или распад государства? М., 2006. С. 110.

Второй тезис стал «больным местом» в пространстве украинской национально-ориентированной политической публицистики и культурологии, которые зациклились в обсуждении путей интеграции украинской гражданской нации с помощью преодоления региональных культурно-идентичностных различий. Наиболее распространенный в этой среде взгляд на интеграцию можно сформулировать как «гражданская нация на основе плюрализма и уважения украинских этнокультурных стандартов». Я использую выражение «зациклились» по той причине, что существует значительный разрыв (если не сказать – пропасть) между «предложением» идей со стороны украинских интеллектуалов-гуманитариев и «спросом» со стороны официальных структур (как гуманитарно-культурного профиля, так и высшего политического менеджмента). «Пропасть» означает отсутствие спроса со стороны государства. Поэтому попытки аналитиков четко интерпретировать «официальную концепцию построения украинской нации» (хотя бы с 2005 г.) я вижу лишенными смысла, поскольку сами понятия «концепция», «стратегия» и «долгосрочный план» либо не нужны, либо экзистенциально невозможны для украинского политического менеджмента (президентская администрация, кабинет министров, ведущие политические партии и блоки). Сам демократический выборный и парламентарный процесс со сменой премьера и кабинета в среднем где-то раз в год просто не позволяет разрабатывать что-то «долговременное» за пределами обычной риторики или древних идеологических заклинаний. В этой поляризации, не позволяющей что-то созидать, украинским интеллектуалам-гуманитариям и видится основное несчастье страны.

Роль региональной структурированности Украины в применении к изучению правых радикалов, проанализированная в числе прочего в статье А. Умланд и А. Шеховцова, может начать разрушать доселе однозначно негативный образ украинского регионализма. Хотя, конечно, при этом придется использовать этическую концепцию «меньшего зла». Но, с другой стороны, если говорить о взглядах с «украинской колокольни» (или «болота»), то в Украине эта концепция уже стала господствующей в настроениях избирателей как минимум со времен второй успешной президентской избирательной кампании Л. Кучмы (2000), когда выбор между «коммунистом» и «не совсем коммунистом» диктовался именно логикой «меньшего зла». Но в украинских научных кругах регионализм остается почти всегда однозначно негативным. Что же в нем хорошего? И есть ли в нем «меньшее зло»?

А. Умланд при участии своего коллеги И. Бредиса уже пытался публицистически донести эту мысль до украинского читателя: «В Украине отсутствие культурного и религиозного единства создает многочисленные проблемы, но оно также способствовало и развитию плюрализма»². Характерно, что в украинском политологическом и социологическом дискурсе этот аспект проблемы, если совер-

² Бредис, И., Умланд, А. Постсоветский парадокс: демократия в Украине, автократия в России // Зеркало недели. 2008. № 8. <http://www.zn.ua/1000/1600/62203/>. Последнее посещение 21 декабря 2009 г.

шить определенную ретроспективу, во многом еще не замечается³. Бросается в глаза, что проблема правого радикализма обычно трактуется в контексте межэтнического взаимодействия, где в Украине все достаточно «размыто», т.е. сложно найти заметные «контрасты», дающие повод для экстремистских проявлений. Украинские обществоведы, складывается впечатление, приучены еще видеть (в рамках советской традиции) в «правых радикалах» движения исключительно националистические, т.е. опирающиеся на явные этнические маркеры и четкие («объективные») этносоциальные границы. Ведь проявления ксенофобии требуют, чтобы «этнические параметры» ксенофобов были также ясны, как и их жертв. А вот в Украине не совсем так...

Возможна ли (зададим провокационный вопрос), например, «постсоветская национальность», которая проявляет в лице неких экстремистов свою ксенофобию? Я говорю не о России, а об «осколках» СССР, несущих еще в себе многие «мины» предыдущей эпохи. Эти экстремисты могут быть по национальности и украинцами, и русскими, и еще кем-то (принадлежа по культурным признакам к еще не совсем сформировавшемуся в свое время «единому советскому народу», – т.е. просто русскоязычными). По лозунгам они не могут быть никем кроме «внешне левых», поскольку «постсоветский экстремист» должен сохранять верность «правильным идеалам» советской эпохи, но его реальные устремления и проявления, его «негативная программа» выявят его в результате как «скрытого правого», который выступает против любых форм либерализма, плюрализма и мультикультурности, а уж ксенофобию проявляет совсем не в духе «интернационализма»... Поэтому характеристики, данные авторами статьи движению Натальи Витренко, являются аналитически вполне корректной попыткой «срывания покровов» двойственной природы «постсоветского экстремизма».

Если вернуться к более очевидным реалиям, то не заметно пока четко концептуализированного «регионального» взгляда на эту проблему правого радикализма в Украине. Хотя это бы дало ряд интересных наблюдений. Например, русско-украинский конфликт в Украине на уровне конфликтующих праворадикальных движений невозможен в силу внутрорегиональной однородности населения: львовские радикалы не встретят заметного противника у себя во Львове, а крымские – у себя в Крыму. Назвать донецких экстремистов «русскими» будет достаточно сложно ввиду их своеобразной формы украинской региональной идентичности, когда конфликт возникает не между представителями разных этнических групп, а между двумя формами украинской идентичности. Поэтому формирование «единого фронта» правых радикалов в Украине, что абсолютно верно заметили А. Умланд и А. Шеховцов, выглядит, мягко говоря, невозможным.

³ Майборода О., Чілачава Р., Пилипенко Т. Сприяння поширенню толерантності у поліетнічному суспільстві. Київ, 2002; Розвиток України в регіональній перспективі: політичні, економічні, соціальні проблеми регіоналізації. Київ, 2002; Котигоренко, В. Етнічні протиріччя і конфлікти в сучасній Україні: політологічний концепт. Київ, 2004; Україна в 2005–2009 рр.: стратегічні оцінки суспільно–політичного та соціально–економічного розвитку. Київ, 2009.

В дополнение к вышеуказанному замечу, что украинский этнонационализм, опирающийся в своей активности на этнических (и, желательно, «национально сознательных») украинцев, должен кроме этой электоральной базы иметь еще «близкий враждебный объект». Наличие этого «близкого враждебного объекта» (иноэтничный бизнес, присутствие множества мигрантов, политическое агрессивное влияние «неукраинских сил» на местах) создает ощущение реальной угрозы «этническим ценностям», мобилизуя поддержку населения. И до периода 1944–1950 гг. для этого были все условия – например на Западной Украине крайняя пестрота этнического состава городов и местечек создавала личностные, экономические, культурные и политические конфликты сразу «за порогом дома»⁴. Регион не был полем действия украинского национализма против местных поляков, например. Он был одновременным полем действия и украинского, и польского национализма в жесткой конкурентной среде.

После холокоста, польско-украинских конфликтов, обменов населением и сталинских этнических чисток Западная Украина стала этнически однородной, почти как вся послевоенная Польша. Т.е. единственный регион, имеющий еще живые традиции украинских праворадикальных движений, потерял внутри себя тех «раздражителей», которые и стимулировали национализм. Т.е. в Западной Украине есть все условия для национализма, он там легитимен и относительно популярен (это есть просто одна из распространенных форм украинской идентичности), но ему там (не побоюсь этого сказать) – нечего делать. Его противники находятся или за границей (в России) или в других регионах страны, где эта ниша политического темперамента уже занята «розовыми» (постсоветскими), а не «сине-желтыми» радикалами. И «пробиться» в чужую зону – невозможно. Тут «прозелитизм» еще менее возможен, чем в отношениях разных версий христианства в Украине.

Поэтому, если обратиться к политическому и электоральному процессу, западноукраинский избиратель легко распоряжается своим голосом, забирая его периодически из копилки местных правых в пользу *общеукраинских* популистов близкой риторики. Просто все понимают, что партия «Свобода» – это, пока что, местная футбольная команда второй лиги, а настоящая борьба в Премьер-лиге ведется фигурами другого масштаба, и не в Тернополе, а в Киеве. И в сборной команде «Запад-Центр» против «Восток-Юг» Олег Тягнибок обречен на скамейку запасных, пока его избиратель не ощутит реальной угрозы своему положению. А в аграрном регионе Запада этого вряд ли стоит ожидать – его экономические и социальные изменения – замедленны, а стратегическая роль в национальной экономике – вторична. Этническая структура – почти монолитно украинская. Кто против кого будет бороться? Регион не стоит свеч, чтобы мощные «восточ-

⁴ В этом вопросе уместно обращаться к статистике и динамике изменений: Євтух В., Трошинський В., Галушко К. Етнонаціональна структура українського суспільства. Довідник. Київ, 2004; Українська політична нація: генеза, стан, перспективи. Київ, 2004.

ные» олигархи брутально вмешивались в его экономическое (а уж тем более социально-культурное) бытие.

Если же брать Центр, то здесь, несмотря на его формальную «полную украинскость» (по статистике), формы консерватизма (в силу 3, а не 2 поколений при Советах) приближены к советским (восточным), и поэтому носят скорее внешний характер «украинского социализма» Киевской Центральной Рады 1917 г. (хотя физически его уже никто не помнит). Т.е. это могут быть элементы бытового антисемитизма, сильные в аграрной среде, но формы проявления общественной активности тут более скромны, и, что ли, «полу-испуганны». Поэтому они принимают формы «колхозного патриотизма», а ввиду слабого присутствия евреев за пределами областных центров (с 1967 г. по 2001 г. их число в Украине сократилось на 90%) – опять же не с кем бороться... Традиция погромов умерла безвозвратно.

Макрорегион «Восток-Юг» – по статистике этнически очень пестр, но в этнокультурном измерении, наоборот, представляет собой унифицированную русскоязычную среду, более городское, чем сельское население. И поэтому некий «этнический стандарт» тут потерялся еще в период сталинской индустриализации. Если даже огромное по украинским меркам количество русских, 7 млн., здесь не способны себя позиционировать как «этническую целостность», отличную от местных «украинцев» (за исключением Крыма), то что уж тут о местных «украинцах» говорить?... Поскольку у всех местных идентичность постсоветски-региональная, то какие формы может принять местный правый радикализм? В силу советских традиций «что такое хорошо и что такое плохо» он не сможет оглашать вслух правые или этницистские лозунги – сразу потеряет электорат, ощущающий себя «истинными интернационалистами». Но на уровне «политического бессознательного» проявиться сможет только «российский», «русский» вариант правого радикализма. Украинский «бандеровский» вариант невозможен ввиду того, что ему поддаться – это просто признаться в своей несостоятельности как «лучшей», «полноценной» Украины по сравнению с «тупыми галичанами».

А потребность в радикализме остается, темперамент такой политической очень распространен, но: остается заимствовать российские формы радикализма, но не всегда легко заимствовать весь «комплект». По ряду пунктов он мировоззренчески очень противоречит даже эмбриональной «украинскости», присущей Юго-Востоку. Остаются такие формы как ПСПУ, но они тяжеловато идут среди молодежи из-за слишком очевидно «бабушкиного», «пенсионного» характера. Два разных поколения очень сложно замкнуть в одном русле...

И подобные особенности я мог бы описать по отношению к малым, суб-регионам той же Западной или Центральной Украины. Тоже самое касается и Крыма, где, например, Севастополь сильно отличается от Джанкоя или Бахчисарая.

Поэтому, уж если резюмировать, противоречивая региональная структура Украины является как ее эпизодическим (или системным) «горем» на пути к внут-

ренной стабилизации демократии или европеизации ценностей, но при этом вполне диалектически компенсирует этот недостаток: состязательность «большой политической игры» склоняет избирателя ради «большей ставки» на Киев жертвовать мелкими радикальными фигурами из Тернополя, Донецка или Крыма. А популизм «больших фигур» объективно вычеркивает все экстремалии из риторики в поисках некоего «среднего», удовлетворяющего максимальное число избирателей. Радикалы устраниаются на предварительной стадии соревнований, поскольку регионализация дробит общегосударственный «стандарт консервативности» на несколько мелких, региональных.

Посему украинский регионализм – явление весьма диалектическое, а «правые радикалы» как повод к смене ракурса в оценке регионализма в целом – почему бы и нет. Поскольку «большие популисты», популярные на больших пространствах, согласно «закону бутерброда», дают нам слишком тонкий слой информации, а вот правые радикалы подбрасывают «могучие кучки», дающие предмет для анализа и повод выйти на системные обобщения.